

Для цитирования: Батурина, И. В. Искусственный интеллект: мифологема российского научного контента / И. В. Батурина, А. А. Дыдров // Социум и власть. — 2026. — Т. 23. — № 1. — С. 36–48. — EDN JYOWNHU.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

EDN JYOWNHU
BAK 5.7.7
УДК 101.1:316 + 130.3

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: МИФОЛОГЕМА РОССИЙСКОГО НАУЧНОГО КОНТЕНТА¹

Батурина Ирина Валерьевна,
Южно-Уральский государственный медицинский университет,
доцент кафедры социально-гуманитарных наук,
кандидат исторических наук.
Челябинск, Россия.
SPIN 7492-5656
ORCID 0000-0002-4159-797X
E-mail: devizzina@mail.ru

Дыдров Артур Александрович,
Южно-Уральский государственный университет,
профессор кафедры философии,
доктор философских наук, доцент.
Челябинск, Россия.
SPIN 8960-3477
ORCID 0000-0002-3288-8724
E-mail: zenonstoik@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Введение. Искусственный интеллект и нейросетевые технологии небезосновательно можно обозначить в качестве титульных в рамках НБИК-конвергенции. История исследований ИИ насчитывает уже более пятидесяти лет. За этот период произошел значительный прирост публикаций не только в сфере технических, но и социально-гуманитарных наук. Исследовательский массив подлежит возможно анализировать на различных основаниях. В статье мы предприняли попытку реализации одного из множества вариантов. В фокусе внимания находится концепт «прозрачности», набирающий популярность в научной среде. Цель статьи — аналитика базы данных РИНЦ и концептуализация мифологемы научного дискурса общественных наук в области искусственного интеллекта. Последняя в отношении к научным нормам и идеалам (объективность, доказательность, референтность, логичность, строгость и др.) не соответствует научности, но при этом имманентны дискурсам общественных наук. Референтная база научных статей включает в себя труды, опубликованные

в течение десятилетия (2015 — 2025 гг.). Выбор обусловлен трендом актуальности и новизны научных данных. Элементы поиска и запроса: «общественные науки», «искусственный интеллект», «прозрачность». Иные данные (специализации авторов, принадлежность к научным сообществам и т. д.) не принимались во внимание.

Методы. Методологическая база конституируется обнаружением вербальных маркеров, контент-анализом и репрезентацией в формате «облака» тегов. Как и в прошлом, ставка преимущественно делалась на качественную аналитику. Основанием для выбора маркеров служила частотность их употребления в аннотациях, заголовках и ключевых словах. Библиографическое описание сохранено для оценки высшей временной точки тренда. Промежуточный результат аналитики выражен графемой облака тегов, позволяющей оценить частотность словоупотребления и наглядно представить семантические связи метафоры «прозрачности» с другими концептами.

Результаты. В отличие от западных научных работ, в России область «технологической мифологии» еще не имеет четких предметных и методологических границ. Исторически она формируется из семиотических и культурологических исследований структуралистов (Барт, Кристева), а также пилотных западных трудов по технологической мифологии (Райан, Моско). Первые дают необходимую интерпретацию мифа и мифологии, выводя ее за пределы культурной антропологии и истории, а вторые демонстрируют способы приложения интерпретации мифа к специфическому актуальному материалу. Как уже отмечалось в предыдущем исследовании, контент-анализ позволил обозначить некоторые предельно общие формулировки технологических мифологем, которые в дальнейшем могут уточняться и конкретизироваться.

Обсуждение. «Облачная» репрезентация позволила сделать статистические выводы о высшей временной точке популярности темы, а также ключевых концептах, связанных с исходными. В качестве исходных были взяты «прозрачность» и «искусственный интеллект». Графический способ выражения промежуточных результатов при этом выступает в качестве систематизирующего инструментария, позволяющего оценить два исследовательских параметра: частотность словоупотребления и семантические связи (т. н. «семантическое гнездо»). В совокупности обозначенные показатели могут быть полезны для прогноза развития «мифологического» тренда. Первичная аналитика данных «облака» предположительно указывает на дискурсивное положение маркера «прозрачности»: статистически он сравнительно редко оказывается в качестве предмета анализа или философских дескрипций и частотно абсорбируется в дискурсивные научные практики. Данное предположение было продемонстрировано ссылками на некоторые научно-исследовательские кейсы, в границах которых «прозрачность» объясняется однообразными «кодowymi» пропозициями. Ключевой смысловой паттерн этих пропозиций сводится к фигуре субъекта и его власти. Однако по мере

¹ Данная статья продолжает исследование 2023 года, посвященное мифологемам западного научного контента в сфере искусственного интеллекта.

развития технологий субъект на дискурсивном уровне попадает в ситуацию противоречия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА
технологическая мифология,
искусственный интеллект,
тренд,
мифологема,
прозрачность,
НБИК-конвергенция

ЗАЯВЛЕННЫЙ ВКЛАД АВТОРОВ

Дыдров А. А. участвовал в разработке концепции исследования, аналитике научных литературы, обработке и анализе данных, написании текста рукописи. Батурина И. В. участвовала в сборе и систематизации данных формулировке выводов, оформлении статьи.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СРЕДСТВ ИИ

Авторы заявляют о том, что при написании данной статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Статья поступила: 21.12.2025
Рецензии получены: 15.02.2026
Принята к публикации: 20.02.2026

Права: © Батурина И. В., Дыдров А. А. (2026).
Опубликовано Челябинским
филиалом РАНХиГС. Открытый доступ
на условиях лицензии CC BY-NC 4.0

Введение

В популярной аббревиатуре «НБИК» («NBIC») информационные технологии занимают третью позицию, что маловероятно коррелирует с их реальным значением и темпами развития. Уточняя тезис О. Н. Маслова, утверждающего, что НБИК-конвергенция фундирует цифровую экономику, можно сказать то же и о других сферах социума. Мы солидарны с исследователем в его оценке информационных технологий. В частности, О. Н. Маслов указывает на функционирование информационно-коммуникационных инноваций в реинжиниринге бизнес-процессов, моделировании и системе поддержки решений [8]. Иными словами, инфотехнологии в данный момент куда более репрезентативны, нежели нанотехнологии или когнитивные технологии. По крайней мере, это справедливо для российского социума и актуального технологического уклада. Некоторые исследователи прибегают к обобщающим суждениям и говорят о переустройстве глобальных отношений вне определенных общественных сфер. В частности, Е. Доценко полагает, что технологии формируют новую платформу отношений «человек — природа». Переформатирование интегральных связей социума и природы несет, наряду с преимуществами, потенциальные неизученные риски. Тем не менее, исследователь уверенно говорит о необходимости разработки парадигмы «устойчивого развития», обеспечивающей минимизацию потерь [27].

«Устойчивое развитие» — популярный в социально-гуманитарных науках термин, который, однако, еще не имеет четкой содержательной проработки. Даже беглый разговор об этом термине потребовал бы основательного исследования. К нему прибегают, когда говорят об инновациях, о социальной и персональной адаптации к переменам, готовности к встрече с «черными лебедями» [3], [1], [14] и необходимости разработки стратегий «управляемого» будущего и т. д. В статье О. Л. Кузнецова и Б. Е. Большакова справедливо утверждается, что по устойчивому развитию, а точнее, по отдельным аспектам, опубликовано множество работ. Все они, по мнению авторов, лишены четкости в определении измеримости и параметризации отношений между этими аспектами [6, с. 90]. Однако вторая часть публикации содержит детализированные формулы, являющиеся, по сути абстракциями наподобие философских. Разумеется, выражены они на математическом языке. Авторы предполагают, что отсутствие параметризации устойчивого развития фундировано «вавилонской башней» профессиональных диалектов, но проблема может корениться в специфике самого модуса будущего, а отнюдь не только в зазорах между языками.

Даже умеренно скептическое отношение к

идее устойчивого развития, выраженное, например, в заглавии статьи В. Г. Свешникова, результируется оптимистическими выводами. В частности, обозначенный автор уверен, что «системный подход» позволяет получать знания, необходимые для консонанса отношения «человек — природа». Таким образом, именно такой подход должен обеспечить устойчивое развитие [9, 323–324].

С развитием инфотехнологий дискурс устойчивого развития, вероятно, набирает обороты. Искусственный интеллект и нейросетевые новации стимулируют научную активность и фактически превращают тематику УР в мейнстрим. В рамках исследования 2026 года коллектив авторов писал о том, что искусственный интеллект все чаще признается преобразующей силой, способствующей ряду достижений, но при этом потенциально подрывающей Цели устойчивого развития, декларированные ООН. Хотя ИИ может стимулировать инновации, способствующие устойчивому развитию, он также усиливает риски, такие как предвзятость, злоупотребление слежкой и воздействие на окружающую среду. Существующие подходы к управлению остаются фрагментированными, при этом основанные на принципах, правах, рисках и этике рамки функционируют изолированно [26]. Эмпирические данные, по оценке авторского коллектива, показывают, что доверие к технологии возникает не просто из этических заявлений и деклараций, а на основании качеств самой системы, технически объяснимой, прозрачной и этически интегрированной [26].

«Прозрачность», семантически близкая к объяснимости, любопытный и, в определенном смысле, симптоматический маркер. Достаточно общего обзора множества зарубежных и российских публикаций, чтобы сделать предварительный статистический вывод: возникает впечатление, что «прозрачность» стала утопической онтологемой, выражающей общее настроение. От искусственного интеллекта и нейросетей хотят, чтобы они буквально демонстрировали «начинку» собственных операций, четко показывая алгоритм обработки информации и достижения результатов от входа до выхода [19], [24]. В противном случае, у ИИ остаются «темные стороны» [25], вызывающие тревогу и катализирующие неопределенность. Без «транспарентности» искусственный интеллект позиционируется как «аномальный» цифровой агент [15]. Многолетний исследовательский тренд пытается интегрировать ИИ в систему этических нормативов, подгоняя его под стандарты гуманного поведения [17; 20].

Смысл и дескрипция «мифа». Технологическая мифология.

Употребление неоднозначного концепта «мифологема» нуждается в обосновании, а

содержание понятия в прояснении. В социально-гуманитарных науках общепринятыми являются несколько значений мифа — генетической основы мифологемы. В первом и наиболее распространенном значении миф связан с историей и культурой. Обычно речь ведется не только о линейном метапаттерне истории (переход от «первобытности» к исторической линейности и поступательности), но и о т. н. «нецивилизованных» народах, которым «присущи» мифологическое мышление и аномальные для науки картины мира. В конечном счете, мифы, если абстрагироваться от идей прогрессизма или цивилизаторства, «отстраненно» интерпретируют как особые нарративы, объясняющие действительность и формирующие картину мира. В грубых интерпретациях миф коннотируется в качестве «фантазии», «вымысла». Обозначенные распространенные коннотаты несут шлейф дискурсивного научного прогрессизма. На историю смотрят «свысока» и, в лучшем случае снисходительно говорят о «первобытном», «наивном» мышлении предков. Разумеется, часто оговаривают, что народы с «первобытным» мышлением сохранились, но уже скорее в качестве исключения, нежели правила. Предельно обобщая сказанное, можно утверждать, что миф в первом случае — история, нарратив, повествование особого рода. Он объясняет мир или его «часть», говорит о генезисе бытия, происхождении вещей, сотворении людей и т. д. Не трудно заметить, что данная дефиниция мифа вполне подходит и для монотеистических религиозных нарративов.

Во втором распространенном значении миф не история, а связь слов, вторичная семиотическая конструкция. Теоретическую экспликацию мифа во втором значении произвели, как известно, Ролан Барт и Юлия Кристева. Второй смысл мифа можно условно назвать дискурсивным. Миф — это своего рода «смазка», на которой функционирует дискурс и конструирует дополнительные смыслы.

По существу, именно в границах второго значения мифа на первый план выходит язык и, соответственно, все известные языковые процедуры — повествование, описание, анализ и т. д. Семиотическая интерпретация претендует на универсальное описание функционирования мифа. В отличие от «традиционного» понимания мифа как нарратива и истории, формирующей картину мира, семиотически интерпретируемый миф критикует социальные реалии. В этом проявляется очевидное сходство с социальным реализмом в искусстве, феноменами памфлета, сатиры и утопии. В частности, критике подвергалась мифология французской буржуазии. Очевидно, дело не в том, что буржуазия создавала пантеоны богов и придумывала сказания о приключениях героев или истории о сотворении мира — фактически места богов могли занять,

например, капитал, прибыль, «успех» и другие ценности.

Демифологизация от семиотики — это аналитика и оценка циркулирующих стереотипов и коннотаций. Исходная посылка демифологизации, вероятно, заключается в признании мифа опасным. Разрушители мифов пытаются найти способы сопротивления такому доминирующему собранию мифов, но поиски нередко оказываются тщетными и безрезультатными, приводя к созданию новых мифов на волне противостояния. Оптимальным вариантом демифологизации может быть обращение мифа против самого себя. Разумеется, миф натурализуется, то есть становится «естественным», прикрывая буквальные смыслы и значения. Однако демифологизация как раз и призвана вскрыть «очевидное» и «естественное» — таким общим способом сопротивление может вырваться из-под гнета угнетения и вновь обрести собственный голос. Механика мифа, находящаяся за скобками в первом значении, в данном случае выходит вперед. Языковая субстанция, с которой миф работает и одновременно держится, выводит вперед семиотические механизмы смещения (сдвига) значения и производит маргинализацию буквального смысла.

Связь мифа с технологиями также требует пояснений и конкретных репрезентаций. Компьютерные и информационные науки зародились из утилитарного взгляда на знание, которое стало топливом для технологического, производственного и военного аппарата мировых держав. Таким образом, эти науки приобрели свою прагматическую, техническую и аисторическую перспективу. Холодная война легитимизировала важность компьютерных технологий, предвещая их появление водородной бомбой, запуском спутников, космической гонкой и высадкой человека на Луну. Экономика знаний постепенно (и не обязательно намеренно) превратила знания в «вещь», фактор производства, и эта «вещь» стала ассоциироваться с коммуникацией. В профессиональных средах и экономике в целом концепт коммуникации занял лидирующую позицию, тогда как «общение» отошло на второй план как нечто устаревшее и романтизированное. Знания отныне были прямо связаны с данными и даже синонимизированы с ними. Персональным и коллективным субъектам достаточно было лишь прикоснуться к информационно-коммуникационной субстанции, чтобы получить опыт. Не трудно вспомнить (даже без указания на авторство) расхожие фразы прошлых лет типа: «главное овладеть навыками поиска информации»; «в интернете есть все» и т. д.

С популяризацией персональных компьютеров и сетей передачи данных парадигма знания как «вещи» (фактора производства, особого товара) распространила аналогию знания как субстанции, встроенной в машины и телекоммуникационные сети. Если знание

объективировано и сведено к данным, то почему бы машине не «владеть» им? Такие знания, подобно сокровищам, стали ассоциироваться с богатством, властью и благополучием, определяли иерархические уровни в обществах и власти наций. Стремление к знаниям, несмотря на обобщенность данного тезиса, превратилось в стремление доминировать, а не понимать. Разумеется, это не общее правило, но, по меньшей мере, пролонгированная социальная тенденция.

Киберпространство занимает видное место в топиках «экономики знаний» и коммуникации. Компьютерная коммуникация закладывает основу для мифотворчества о времени, пространстве, власти. Хотя все эти факторы имеют большое значение в изучении мифологии, время играет особенно важную роль для современных обществ. Данный тезис не трудно подтвердить хотя бы ссылкой на расхожую фразу «время — деньги». Современность, несмотря на абстрактность концепта, коннотируется прогрессом, новациями, особенностями, отличающими это время от всего того, что было «до». Речь идет не просто о жизни в настоящем моменте, а о некоем соответствии времени и синхронности со временем. Время в таком случае понимается не как «длительность», не физически, а скорее антропологически («наше время пришло» — одна из темпоральных «формул»). По существу, время начинает интерпретироваться как оболочка, содержащая внутри себя тренды и тенденции. Один из трендов, очевидно, технологический.

В современном мире мало что может сравниться по силе с утверждением, что нет принципиальной разницы между древним и современным мышлением. Спорны, но вместе с тем примечательны философемы о том, что что человечество никогда не было современным, и о том, что оно, напротив, всегда было современным. Эти тезисы спекулятивно можно подкрепить ссылкой на то, что логика в мифологическом мышлении столь же строга, как и в современной науке, и разница заключается не в качестве интеллектуального процесса, а в природе вещей, к которым он применяется. Миф — это отнюдь не только интерпретация реальности; он воплощает свою собственную реальность. Эти взгляды особенно трудно принять, когда растет число сторонников мнения о том, что человечество вступает (вступило) в новую эпоху, настолько значительную, что она заслуживает вывода о том, что мы вступили в «конец истории».

Помимо широко распространенного мнения о радикальном разрыве между эпохой мифов и эпохой науки (или разума, или фактов, или позитивизма, или Просвещения и т. д.), что регулярно подчеркивалось еще позитивистами и их стадийными схемами, появление компьютерной коммуникации знаменует собой еще один поворотный момент — со-

здание нового времени, Эпохи компьютеров (или Информационной эпохи и т. д.), нового (виртуального) пространства, которое нередко называют киберпространством (cyberspace). Киберпространство служило предметом восторженных откликов и огромных надежд на социальную свободу, сознательную активность и защищенность от государственного влияния. Считалось, что это территория свободы, наподобие идеологии американских колонистов.

По существу, сторонники идей территории свободы и вольности, были технологическими детерминистами, благодаря которым возникло новое «общество», дискурсивный тип социума — «информационное» общество. Технологический детерминизм видел в науке и технологии источник комплексной и сложной революции (перестройки), который мог бы привести человечество к концу истории. В 90-х и 2000-х годах были популярны идеи технологического сингуляризма. В рамках этих идей технологический детерминизм был доведен до крайности: наступит время (часто в дискурсах возникал, например, 2045 г.), когда машины и алгоритмы смогут самостоятельно создавать софт, алгоритмы, конструировать другие машины, увеличивать собственную производительность и т. д. Воображаемая линия прогресса на графике станет вертикальной относительно оси ординат, что означает либо конец человечества (по крайней мере, как субъекта, творящего историю), либо окончательную утрату контроля за машинами.

Прогрессисты с радостью объявляли о конце мира атомов и возвещали о наступлении эпохи, в которой человечество должно научиться быть цифровым. В противном случае, произойдет нечто похожее на историю динозавров. Ход мыслей технооптимистов уводил человечество в мистический логос киберпространства. По сути, перед нами сердцевина кибермифа. В дискурсах прогрессистов четко видна ценность мифа, важность обращения в веру и, в свою очередь, убежденность в силе мифа. Периодически мифомейкеры цифровой эпохи пытались координировать свои отношения с политикой, например, создавали партию «Эволюция 2045».

Они убеждали, что поддержка цифровых технологий высоко ценится и находится в приоритете, грозили (в случае отказа сотрудничать) погружением в новые темные века. По мере того, как осуществляется переход от мира атомов к миру битов, человечеству как будто необходимы такие лидеры, объясняющие, что грядущая революция будет самой масштабной. Многие футурологи и предприниматели, в частности, Элвин и Хайди Тоффлер, Рэй Курцвейл и др. были политическими советниками, требующими, чтобы к ним прислушались. Глобальная информационная инфраструктура нуждалась в целенаправленном двухпартийном сотрудничестве, хотя бы для того, чтобы помочь (есть

вероятность, что заставить) другим странам провести дерегулирование и приватизацию своих телекоммуникаций и инфотехнологий. Гонка за статусом лидера информационно-коммуникационного прогресса была и являлась гонкой политической: кто-то должен был распространять информацию об информационной эпохе по всему миру так, чтобы люди начали его слушать.

Подобные идеи уникальны и интересны по нескольким причинам. Как молитва, они начинаются с призыва к несомненным мантрам, движению к новой эре, от мира атомов к миру битов. Прогрессизм был смешан с пророчествами — новые темные века, мракобесие и апокалипсис. Революция, напротив, даст необходимый взрывной эффект и переопределит ход истории. У нового времени есть и свои «пророки» типа Тоффлеров и Курцвейла, чьи работы полны мифических рассказов о взрывных преобразованиях, приливных волнах перемен, и чудесных новых мирах, которые грядут, если мы сможем выдержать шок будущего. Эффект точности пророчеств достигался за счет сводки предсказаний — дат и гипотетических событий, которые, разумеется, не маркировались в качестве гипотетических. Назвать их так значило бы допустить сомнение в том, что эти события безальтернативны, сингулярны. Как уже было сказано, особенно популярен 2045 год, после которого время и линия прогресса трансформируются (естественно, не понятно, каким образом). После 2099 года наступит «безвременье», темная зона, о которой вообще ничего нельзя сказать. Конечно, это напоминает мифологемы древности о Хаосе, Ночи, пожарах Временем собственных детей и т. д.

В конце концов, принуждение мира к принятию информационной политики — это дискуссионный способ продвижения технологий свободы. Но это, вероятно, не имеет значения, потому что у мифа есть одна характерная черта, о которой мы не упоминали ранее — он не знает и не выдерживает иронии. Скорее, наличие противоречий, заставляющих принять новый мир свободы, только укрепляет миф, делая его более праведным, потому что он уверен в себе даже перед лицом кажущихся аномалий. Миф рассматривает их как отвлекающие факторы, которых следует избегать, если человечество хочет преуспеть в некоей трансисторической миссии. Академические аналитики (ученые) могут спорить о них, но «пророки» знают лучше. Конец истории, точка Омега, обетованная земля киберпространства, приход цифрового мира — все это оправдывает любые политические меры. Получается, что политика становится праведной миссией, приобретает черты религии.

Иммерсивный пользователь живет в цифровых сетях и существует в обществе, реорганизованном во времени и пространстве электричеством и информационным перегревом.

Интерактивная природа компьютеров позволяет идентифицировать людей, регистрировать их предпочтения и воздействовать на их сознание. Пользователи — позволим себе выразиться на манер Маршалла Маклюэна — расширяют свои интеллектуальные способности с помощью «компьютеризированной кожи», которая захватывает их чувства посредством соблазнения, используя любопытство, типичное для высших животных. В данном случае речь идет об охоте за знаками. Захваченный этим гипнотическим ощущением власти, этот пользователь погружается в цифровой эфир, который омывает его чувства постоянными волнами множества экранов: компьютера, смартфона, телевизора, экранов в магазинах, в торговых центрах, на улице. Внимание человека стало самым желанным сокровищем, потому что предложение смысла значительно превышает доступный перцептивный спрос. Современная ситуация показывает, что вторичность символических машин и их содержимого интегрируется в человека, размывая его природу вторичности и захватывая первенство. Можно сказать, что машина тоже использует нас. В этой связи под вопросом, конечно, оказываются традиционные концепты субъектности и субъекта.

Методы и материалы

В статье «Мифологема прозрачности в эпоху хай-тек» мы ссылались на два знаковых научно-публицистических труда прошлого века. Краткая дескрипция основных идей, как представляется, способна представить «прозрачность» в ином, «непопулярном» ракурсе. В конце 1990-х годов Дэвид Шенк («Data Smog») и Дэвид Брин («The Transparent Society») выпустили книги, критикующие состояние информационного общества. Оба автора скептически оценивали возможность «рядового» человека влиять на коммуникационные процессы, контролируемые властными структурами через медиаканалы.

Дэвид Брин критиковал идею и «культ» приватности. Следуя идее паноптикума (в интерпретации Фуко), Брин сомневался в способности закона защитить частную жизнь в ситуации интенсификации развития цифровых технологий. Технологический «джинн» делает политику конфиденциальности утопической. В качестве выхода из положения Брин предлагает не ориентацию на сокрытие данных, а всеобщую и взаимную прозрачность, основанную на равном доступе к технологиям наблюдения. Его модель, по сути, строится на двух принципах (простых формально, но сложных содержательно): 1. Каждый находится под наблюдением и осознает это; 2. Каждый имеет право наблюдать за другими [18]. Брин, по-видимому, хотел осуществить демонстрацию традиционного понимания приватности как таинности. Брин противо-

поставляет «прозрачность» («transparency») «темноте» («darkness»), в которой, по его мнению, и процветает злоупотребление властью. Не сложно заметить, что ключевые концепты Брина являются полисемантическими структурами, метафорами. Дискурс, следовательно, не решает проблему переноса значений из воображаемого в реалии. Разумеется, это касается не только книги Брина, но в принципе симптоматично для социально-гуманитарных дискурсов, говорящих на естественном языке.

Основные прескрипции Дэвида Шенка фундаментальны сосредоточенностью на адаптации человека к условиям информационной перегрузки («смога данных»). Шенк формулировал ряд практических рекомендаций: фильтровать информацию, сознательно ограничивать использование гаджетов, разнообразить темы общения и противостоять рекламным манипуляциям; ответственно подходить к освещению событий, избегая односторонних оценок; развивать образовательные практики и социальные технологии, основанные на просвещении. Шенк вдохновлялся идеалами Ренессанса, представляя человека как гармонично развитую и активную личность, буквально «виртуоза». Концепт прозрачности у Брина, в свою очередь, апеллировал к исторической идиллии открытых, «прозрачных» социальных и природных пространств.

Поверхностный взгляд на российские общественные науки в совокупности с поисково-статистическими показателями позволяет высказать предположение о сравнительно высокой частотности использования концепта «прозрачности» в отношении к технологиям искусственного интеллекта. Особо отметим, что в дискурсах Брина — Шенка «прозрачность» относилась преимущественно к социальным структурам и практикам. Обобщая, можно сказать, что речь шла об отношениях «человек — человек», «человек — социальный институт» и т. д., проще говоря, об антропологических взаимодействиях. Однако в общественных науках (предположительно, в технических тоже) постепенно начал формироваться тренд, учитывающий как минимум одного нового агента взаимодействия. Он — агент — может быть назван «искусственным интеллектом», «нейросетью» (Соломонов), «искусственной интеллектуальной системой» (Коваль) и т. д. В научно-технических комьюнити распространяется требование «прозрачности» к искусственному интеллекту и, разумеется, его разработчикам. Однако де-факто далеко не каждый ученый четко определяет, что данное требование означает.

В рамках данной статьи мы ставим пропедевтическую задачу по аналитике данных общественных наук в целом (маркировка РИНЦ). В будущем попытаемся сопоставить данные РИНЦ с результирующими показателями зарубежных индексов научного цитирования. Рефе-

рентная база научных статей включает в себя труды, опубликованные в течение десятилетия (2015 — 2025 гг.). Выбор данного периода не случаен: именно в течение последнего десятилетия искусственный интеллект и нейросети «одомашнились». По выражению Е. О. Труфановой, интернет стал посредником в «большом количестве социально-значимых активностей» [13 с. 20]. В целом, подобный процесс происходит и с нейросетевым интеллектом. От первых разработок до массовой пользовательской интеграции прошел значительный период. Собственно российские нейросети «Шедеврум», «Kandinsky», «ruDALL-E» и «GigaChat» от крупных игроков индустрии «Яндекса» и «Сбербанка» оказались в пользовательской доступности в настоящем десятилетии. В 20-х гг. возникла и специфически адаптировалась для российского сегмента «MidJourney». Названные примеры, разумеется, не исчерпывают нейросетевой рынок. В данной статье, однако, речь идет не о разнообразии технологических стартапов, а о мейнстриме, который пришелся на первое пятилетие 20-х гг. Что касается «донецкой» интеллекта, история первого десятилетия XXI в. знает «Watson» и «Siri», значительные достижения в распознавании голоса, касаний и изображений. Российские исследователи уже имели информацию об этих интеллектуальных системах, по крайней мере, из западных научных публикаций. В частности, «Siri Inc» в 2010 г. была приобретена «Apple Inc» и стала частью мобильных операционных систем. Постепенно российские пользователи получили возможность для производства конкретных операций и манипуляций с «помощником». Первая социальнo-гуманитарная дескрипция и аналитика технологий была представлена, в частности, статьями С. В. Витмана и С. В. Черновой [2], А. Э. Магулаева [7] Ранее выходили краткие обзоры голосовых помощников от журналистов и публицистов, ориентированные на широкую аудиторию¹. Что касается технических наук, нижняя временная граница исследований сдвинута в среднем на 2–3 года. В качестве примеров публикаций сошлемся на статьи А. Н. Белехова с соавторами [5], О. А. Сильченко, К. А. Карельской [11] и др.

В качестве методов, за исключением общенаучных, использованы методы обнаружения вербальных маркеров и контент-анализ с репрезентацией ключевых слов в формате «облака». Данный способ графического выражения позволяет приблизительно оценить частотность словоупотребления. В исследовании ставка делалась на качественную обработку информации. Это объясняет сравнительно небольшое число числовых данных. Выборка вербальных маркеров производилась в соот-

ветствии с двумя условно обозначенными категориями: «общественные науки в целом» (категория РИНЦ) и «прозрачность». Поисковые запросы произведены с учетом возможного разнообразия морфологических вариаций (в частности, падежные окончания). За исключением морфологии, поисковые запросы соответствовали следующим критериям: 1. Период 2015 — 2025 гг.; 2. Тематика «Общественные науки в целом»; 3. Ключевые слова поиска: «прозрачность», «искусственный интеллект»; 4. Учет данных в заглавиях, аннотациях, ключевых словах публикаций. Итоговый показатель по состоянию на 17.01.2026 г. составил 162 материала.

В рамках данной статьи концепт «прозрачности» маркирован как мифологема, что требует некоторых уточнений и пояснений. «Мифологема» в данном случае интерпретируется как элемент вторичной семиотической системы, альтернативная «буквальному» смыслу. В эту категорию попадают оценки, критика, коннотации, иными словами, все то, что в силу спецификации функционирования не соответствует «научной объективности». Кроме того, перенос значения является процедурой, открывающей возможности для множества интерпретаций и оценок: фактически означаемое предполагает дескрипцию, выходящую за границы определенного кода. В случае с предметом статьи, «прозрачность» понимается не в границах кода физики (оптики), а требует переноса на отношения между различными агентами. «Мифологемы», хотя и подлежат статистическим операциям, требуют качественной методики — прежде всего, анализа, ориентированного на текст / дискурс. Референтная база контент-анализа формировалась посредством изначально введенного ограничения: «искусственный интеллект» и «прозрачность» должны фигурировать во всех или каких-либо титульных элементах научных публикаций (заглавии, аннотации, ключевых словах).

Результаты

Метафорика Брина-Шенка оказалась востребованной в социально-гуманитарных и технических науках, как в зарубежном, так и российском сегменте. Зачастую концепт используют применительно к социальным практикам, институтам, отношениям и технологиям. В РИНЦ по тегам «прозрачность» и «искусственный интеллект» в тематике «Общественные науки в целом» за период 2015 — 2025 гг. значится (по состоянию на 17.01.2026 г.) 162 публикации.

Обозначенный контент был загружен в графический и аналитический сервис wordcloud. В результате графического преобразования данных было создано «облако» тегов, репрезентирующих маркеры (величина) в зависимости от частотности употребления в границах базы

¹ См., н-п: Siri оказалась самым быстро обучаемым голосовым ассистентом. URL: <https://appleinsider.ru/siri/siri-okazalas-samym-bystro-obuchaemym-golosovym-assistentom.html>.

данных. Оговоримся, что база данных была сравнительно небольшой и соответствовала техническим требованиям и ограничению сервиса (20000 слов). В рамках данной статьи мы не будем детально анализировать данные «облака», так как нас преимущественно интересует ситуация с концептом «прозрачности».

Облако данных, сервис wordcloud.online/ru

Концепт прозрачности в связке с топикой искусственного интеллекта частотно использовался в 2023, 2024 и 2025 гг. в границах обозначенного периода. В 2024 и 2025 гг. (по отдельности) число публикаций сравнительно больше, чем в 2023 г. Предположительно, это говорит об актуальности и востребованности тематики. Понятно, что исследования искусственного интеллекта в социально-гуманитарных исследованиях не сбавляют, если не набирают, обороты. Маркировка временных периодов публикационной активности подтверждает этот, в общем, тривиальный тезис.

«Прозрачность» при этом не фигурирует в качестве автономного предмета изучения (как в рамках данной статьи). В «облаке» данное обстоятельство выражено величиной соответствующего маркера. «Прозрачность» значительно меньше маркеров «искусственного», «интеллекта», «технологий», «развитие», «международный». Не принимаем здесь во внимание формальные аспекты репрезентации научных публикаций («сборник» и т. д.). При этом мы не можем объяснить сложившееся положение дел ссылкой на непопулярность «прозрачности» и постепенном / резком изъятии маркера из научной лексики. Напомним, что абсолютно все материалы РИНЦ из первоначальной выборки содержат данную лексику.

Вероятно, мы имеем дело в «абсорбции» метафоры в научном языке и тезаурусе. В этом случае «прозрачность» и ее вариации могут использоваться без акцентуации на содержании, что способно провоцировать эффект натурализации (концепт Ролана Барта). Одно из очевидных последствий данного процесса заключается в некритическом словоупотреблении. В частности, на понятийном уровне слово становится «ясным» и не вызывает вопросов. «Облако» способно представить первичные статистические результаты аналитики. Однако, если мы хотим вникнуть в вариации содержа-

ния мифологемы и, в конце концов, утвердить ее в данном статусе или отказать в нем, необходимо прибегнуть к аналитике конкретных кейсов. При этом мы будем иметь дело с научным языком как с объектом, содержащим буквальными и неочевидными, имплицитными значениями. Разберем кейс из сферы юриспруденции (статья опубликована в 2024 г.):

Решение проблемы «чёрного ящика» в контексте искусственного интеллекта, по нашему мнению, является основной не только для формирования и обеспечения доверия к системам искусственного интеллекта, отвечающим за принятие решений, но и для получения предсказуемых единообразных решений в случае использования искусственного интеллекта в государственном управлении.

По сути, в кратком фрагменте текста выражено обобщенное экспертное мнение о прозрачности. В отличие от европейской экспертной комиссии (см. статью М. Райана [21]), автор старается не персонифицировать ИИ. Напомним, что члены еврокомиссии говорили о «доверительном» интеллекте, приписывая доверие искусственным системам. Как бы то ни было, человек хочет доверять алгоритму. Доверие, вне зависимости от источника, стало константой, «имманентной» любого рода отношениям. Мы закавычили «имманентной», потому что имманентность в данном случае и ряду других выражает скорее воображаемое человека, нежели актуальные реалии. Априори значимое, доверие распространилось и на отношения «человек — машина», «человек — алгоритм» и т. д. Допустим, мы не сомневаемся в «константной» значимости доверия как социально-антропологического феномена. В таком случае остается вопрос о мифологизации. Мифема скрывается в интерпретации прозрачности как «предсказуемости» результатов (решений). Человек, требуя предсказуемых результатов, оказывается в роли Субъекта с большой буквы. Без предсказательной способности роль субъекта сводится к предварительным организующим процедурам и ожиданию результата на выходе. В период между «входом» и «выходом» возникает ситуация тотальной неопределенности: во-первых, не известна продолжительность периода обработки информации, во-вторых, не известен алгоритм ее обработки, в-третьих, нет информации о результатах. Используя концепт синергетики, можно сказать, что субъект не терпит флуктуации, а между тем, флуктуации перманентно вторгаются в мир человека и корректируют / уничтожают его планы. Требование предсказуемости результатов, если радикализировать мифологему, ведет к воплощению в субъекте лапласовского «демона». Последний — фигура утопии Субъекта.

Пользователи должны понимать, как он [ИИ — прим. И. Б., А. Д.] принимает решения, включая уровни уверенности и ограничения. ИИ

должен усиливать, а не заменять человеческое суждение.

Фигура «пользователя» — одна из модальностей субъекта, причем с интенсификацией развития и интеграцией информационных и других технологий набирающая популярность. История «пользователя» как дискурсивной фигуры и субъектного модуса может стать предметом серьезных исследований. Ясно, что этот модус имеет значение в современных социальных и технологических реалиях (вспомним хотя бы о популярном термине «квалифицированный пользователь»). Метафизика субъекта распространяется не только на интегральную фигуру в целом, но и на модальности («пользователи должны понимать»). Дискурс не дает ответа на вопрос, почему и кому именно пользователи «должны». Вторая часть суждения представляет собой концентр распространенных опасений и страхов, тиражируемых новостями и аналитикой. Субъект дискурсивно «страхуется», пытаясь создать непроницаемый рубеж своей власти: «усиливать», но не «заменять». В действительности, «усиливать» — маркер не менее опасный для фигуры субъекта. Обстоятельство проникновения этого маркера в научный текст представляет собой аномалию.

В конечном счете, субъект желает предсказывать результаты, но допускает, что его суждения могут быть усилены. В одной модальности он не слагает с себя властных полномочий, в другой, напротив, отступает.

Обсуждение

На теоретическом уровне мы говорили о «прозрачности» в статье «Мифологема прозрачности к эпохе хай-тек», опубликованной в 2023 году в издании «The Digital Scholar: Philosopher's Lab». Выраженные в статье тезисы были, по большому счету, предположениями, которые необходимо было эмпирически доказать или опровергнуть. Одним из постулатов концепции транспарентного общества Шенка — Бриана является отказ от конфиденциальности. Это ставит под сомнение существование целого класса смежных феноменов, от тайны до приватного, личного пространства.

Данная идея, имеющая глубокие исторические корни и актуализированная в условиях социальной напряженности, связана с противоречивыми взаимонаправленными тенденциями: сторонники «прозрачности» предполагали, что доступность и проверяемость алгоритмов социальных процессов снизит влияние криминогенных факторов и нормализует отношения агентов; при этом, нельзя забывать о том, что «прозрачность» может касаться не только *ius publicum*, но и *ius privatum*, требуя открытости и доступности личных / персональных данных. Таким образом, лозунг о «праве на информацию» на деле может означать не только доступ к коллектив-

ному интеллектуальному опыту, но и право на доступ к персональным данным других людей. Поскольку такой доступ исторически нередко использовался в репрессивных целях, его реализация потребует создания новых социальных регуляторов, что, в свою очередь, приведет к переделу власти и политической нестабильности. Некоторые исследователи характеризуют эту ситуацию как установление репрессивной «всеохватывающей видимости» [23]. Следовательно, требование прозрачности само становится политическим инструментом. Его радикальное воплощение уничтожает разделение на публичное и приватное [13], что, по мнению ряда экспертов, может подорвать основы личностной идентичности [10].

Не стоит забывать и о том, что «прозрачность» — это только одна из мифологем, натурализованных научным языком. Научная, как и технологическая мифология, распространяется отнюдь не только в метафорике, требующей переноса значений, но и в связях между лексемами, конструкциях и структуре пропозиций / тезисов и всех возможных способов репрезентации научных достижений.

Все это требует, как минимум, краткого ответа на возможный прагматический вопрос о целесообразности демифологизирующих процедур и подобного рода аналитики. Марк Райан в статье «In AI We Trust: Ethics, Artificial Intelligence, and Reliability» сослался на официальное заявление европейской комиссии по искусственному интеллекту, согласно которому необходимо бросить силы на создание «доверительного», «вызывающего доверие» («trustworthy») ИИ. По мнению ученого, тенденция антропоморфизации сложной технологии существенно упрощает дело и, как следствие, провоцирует неадекватное отношение к изучаемому феномену [21]. Разумеется, «неадекватность» касается не только гносеологических, но и прагматических аспектов. В частности, очеловечивание ИИ приводит к рискованным фобиям и иным формам диссонанса, затрудняющим взаимодействие. В определенном смысле, другие мифологемы провоцируют схожую ситуацию и влекут за собой идентичные риски. Наука, выполняя функции теоретического обоснования инноваций, картирования технологических разработок и, что не менее важно, рефлексии над последствиями и потенциальными результатами, в обозначенных кейсах не только транслирует, но обогащает циркулирующие мифологемы и подкрепляет авторитетом. Тем самым, она способствует «натурализации» мифопаттернов. Демифологизирующие процедуры представляются необходимыми, как минимум, в границах рефлексивной функции науки.

Заключение

Таким образом, технологическая мифология является на сегодняшний день перспектив-

ным исследовательским направлением. Дело вовсе не в том, что оно разрабатывается на Западе. На это есть несколько объективных причин другого порядка, находящихся вне научной «моды». Во-первых, с развитием и усложнением инфокоммуникационных технологий, занимающих условную третью позицию в кластере НБИК, возникают дискурсы, окружающие технологии мистикой, апокалиптическими пророчествами и алармистскими настроениями. В равной степени заслуживают внимания и другие крайние позиции, которые можно обобщенно назвать «технооптимистическими». По поводу алармизма нельзя не вспомнить суждения из различных источников о восстании машин. Неизменно, на любом технологическом витке возникают скептические оценки. Доведенные до крайности, эти оценки решительно негативны. Как правило, они воплощаются в дискурсивной формуле типа «технология X станет катастрофической для человечества». Уже невозможно сказать, сколько подобных статей и высказываний встречается на просторах интернета. Как правило, иллюстрированные статьи сопровождаются изображениями злоеюще выглядящих антропоморфных роботов с оружием, и в них говорится, что нам следует беспокоиться о том, что роботы восстанут и убьют нас, потому что они обрели (обретут) сознание и непременно стали (станут) злыми. Такие статьи в некотором смысле впечатляют, потому что они кратко суммируют апокалиптический технологический сценарий, который касается и искусственного интеллекта. Этот сценарий объединяет до трех отдельных реперных топик: беспокойство о сознании, зле и машинах. Все топики причудливо сплетаются в единую непротиворечивую картину, напоминающую знаменитый метафорический концепт «пути паука». Во-вторых, развитие технологий, вероятно, не коррелирует с рациональностью. Может показаться, что изобретательное и калькулирующее человечество с необходимостью рационально, однако в этом не трудно усомниться, если вспомнить, например, о истории американских технокультов, связанных с появлением компьютера. В-третьих, мифология — это особый тип дискурса, распространяемый в различных дискурсах. Наука не является исключением из сложившейся тенденции. В ней, как и в политике, экономике, религиозной, бытовой и иных сферах циркулируют мифопаттерны. Фактически, формируются относительно автономные дискурсивные миры, основанные на вере и имеющие суггестивный заряд. Напомним, что для социальных мифов суггестивный заряд является необходимым компонентом, своего рода «энергией» вторичного семиозиса. Вторичным его можно назвать только со ссылкой на семиотическую теорию. В действительности, вторичным становится буквальным, «простой» смысл.

Проанализированная мифологема прозрачности принадлежит к кластеру популярных вто-

ричных семиозисов. За ней скрываются страхи и растущее недоверие к миру, дискомфорт от утраты определенности и контроля за Другим. Рациональная реакция на угрозу стимулирует создание новой утопии, невозможной в мире традиционных технологий. Это и есть утопия «прозрачности». Не случайно в популярной антиутопии Замятина «Мы» граждане Единого Государства жили в стеклянных домах-коробках. Стекло ликвидировало границу между публичной и частной жизнью, сливая два жизненных мира воедино. Мы полагаем (в порядке дискуссии), что человек, создавший и использующий искусственный интеллект, пытается добиться теперь подобного тоталитарного контроля и подчинения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аронов, И. З. Уроки Нассима Талеба: «черные лебеди» и другие животные / И. З. Аронов // Контроль качества продукции. — 2019. — № 10. — С. 53–58. — EDN PPEEGC.
2. Витман, С. В. Обзор мобильных виртуальных ассистентов / С. В. Витман, С. В. Чернова // Вестник современных исследований. — 2018. — № 11.7(26). — С. 389–390. — EDN VPQOJY.
3. Дементьев, В. Е. «Черные лебеди» и социальные институты / В. Е. Дементьев // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2021. — Т. 14, № 3. — С. 54–66. — DOI 10.15838/esc.2021.3.75.3. — EDN VWRIPW.
4. Коваль, Д. С. Интеллектуальные информационные системы и системы искусственного интеллекта / Д. С. Коваль // Национальный вестник Республики Крым. — 2023. — № 6. — С. 294–299. — EDN MDUXJE.
5. Косач, Д. И. Виртуальные голосовые помощники с элементами искусственного интеллекта / Д. И. Косач, Л. О. Жидкова, А. Н. Белехов // Научный альманах. — 2016. — № 3–3(17). — С. 83–88. — DOI 10.17117/na.2016.03.03.083. — EDN VWFEV.
6. Кузнецов, О. Л. Ноосферные законы и модель глобального устойчивого развития реализации ноосферного научно-технического комплекса в управлении устойчивым развитием / О. Л. Кузнецов, Б. Е. Большаков // Уровень жизни населения регионов России. — 2014. — № 1(191). — С. 90–97. — EDN SBLHAN.
7. Магулаев, А. Э. Популярные голосовые помощники: возможности и тенденции в развитии / А. Э. Магулаев // Инструменты и механизмы современного инновационного развития: сборник статей Международной научно-практической конференции, Волгоград, 29 июня 2018 года. — Волгоград: Общество с ограниченной ответственностью «Омега сайнс», 2018. — С. 41–43. — EDN XSJLPV.
8. Маслов, О. Н. NBIC-технологии для цифровой экономики / О. Н. Маслов // Электросвязь. — 2021. — № 3. — С. 39–42. — DOI 10.34832/ELSV.2021.16.3.006. — EDN WIIZRQ.
9. Свешников, В. Г. Устойчиво ли развитие идеи устойчивого развития? / В. Г. Свешников // Герценовские чтения. Начальное образование. — 2011. — Т. 2, № 2. — С. 318–324. — EDN MXMSUL.
10. Силантьева, М. В. Социальная транспарентность и личные границы: парадоксы глобальной культуры / М. В. Силантьева // Гуманитарный вектор. — 2019. — Т. 14, № 4. — С. 24–31. — DOI 10.21209/1996-7853-2019-14-4-24-31. — EDN WVHKJN.

11. Сильченко, О. А. Анализ перспектив искусственного интеллекта / О. А. Сильченко, К. А. Карельская // Проблемы информатики в образовании, управлении, экономике и технике : сборник статей XV Международной научно-технической конференции, Пенза, 12–13 ноября 2015 года / Под редакцией В. И. Горбаченко, В. В. Дрожжина. — Пенза: Автономная некоммерческая научно-образовательная организация «Приволжский Дом знаний», 2015. — С. 5–8. — EDN UYDXQX.

12. Соломонов, Е. В. Понятие и признаки искусственного интеллекта / Е. В. Соломонов // Вестник Омского университета. Серия: Право. — 2023. — Т. 20, № 4. — С. 57–65. — DOI 10.24147/1990-5173.2023.20(4).57-65. — EDN ОАЕОВР.

13. Труфанова, Е. О. Приватное и публичное в цифровом пространстве: размытие границ / Е. О. Труфанова // Galactica Media: Journal of Media Studies. — 2021. — Т. 3, № 1. — С. 14–38. — DOI 10.46539/gmd.v3i1.130. — EDN XFLCBR.

14. Шпер, В. Л. COVID-19, черные лебеди и мысли о будущем / В. Л. Шпер // Контроль качества продукции. — 2020. — № 7. — С. 63–64. — EDN LUATKJ.

15. Agerfalk, P. J. Artificial intelligence as digital agency / P. J. Agerfalk // European Journal of Information Systems. — 2020. — Vol. 29 (1). — P. 1–8. — DOI 10.1080/0960085X.2020.1721947. — EDN: UQUTHQ.

16. Ahmed, S. Artificial intelligence and sustainable resource management: A pathway to inclusive economic growth / S. Ahmed, M. Khan, R. Hussain // Sustainable Development. — 2022. — Vol. 30 (5). P. 1120–1132.

17. Astobiza, A. M., et al. AI ethics for sustainable development goals / A. M. Astobiza // IEEE Technology and Society Magazine. — 2021. — Vol. 40 (2). P. 1–6. — DOI 10.1109/MTS.2021.3056294. — EDN ROSNWK.

18. Brin, D., Shenk, D. The Transparent Society: Will Technology Force us to Choose between Privacy and Freedom? / D. Brin, D. Shenk // Harvard Journal of Law & Technology. — 1999. — Vol. 12 (2). P. 1–20. — ISBN 0-201-32802-X.

19. Cheong, B. C. Transparency and accountability in AI systems: Safeguarding wellbeing in the age of algorithmic decision-making / B. C. Cheong // Frontiers in Human Dynamics. — 2024. — Vol. 6. P. 1–11. — DOI 10.3389/fhumd.2024.1421273. — EDN WKDQSD.

20. Jobin, A., Ienca, M., Vayena, E. The global landscape of AI ethics guidelines / A. Jobin, M. Ienca, E. Vayena // Nature Machine Intelligence. — 2019. — Vol. 1 (9). P. 389–3991. — DOI 10.1038/s42256-019-0088-2. — EDN HDVOGB.

21. Ryan, M. In AI We Trust: Ethics, Artificial Intelligence, and Reliability / M. Ryan // Science and Engineering Ethics. — 2020. — Vol. 26. P. 2749–2767. — DOI 10.1007/s11948-020-00228-y. — EDN FGNVWS.

22. Singh, A., et al. Artificial intelligence for sustainable development goals: Bibliometric patterns and concept evaluation trajectories / A. Singh // Sustainable Development. — 2023. — Vol. 32 (1). P. 724–754. — DOI 10.1002/sd.2706. — EDN BMIBIM.

23. Schröder, J. Feminist Post-Privacy? A Critique of the Transparency Society / J. Schröder. — Vena : J.B. Metzler Stuttgart, 2019. — P. 207–223. — DOI 10.1007/978-3-476-04967-4_11.

24. Tregida, H., Kearins, K., Collins, E. Towards transparency? Analyzing the sustainability governance practices of ethical practices of ethical certification / H. Tregida, K. Kearins, E. Collins // Social and Environmental Accountability Journal. — 2019. — Vol. 39 (1). P. 44–69. — DOI 10.1080/0969160X.2019.1568276.

25. Wirtz, B. W. The dark sides of artificial intelligence: An integrated AI governance framework for public administration / B. W. Wirtz, J. C., Weyerer,

B. J. Sturn // International Journal of Public Administration. — 2020. — Vol. 43 (9). P. 818–829. — DOI 10.1080/01900692.2020.1749851. — EDN KRSMPS.

26. Zaidan, E. Hybrid Global Governance for Responsible and Inclusive Artificial Intelligence: Proposing a New Sustainable Development Goal 18 / E. Zaidan, J. Truby, I. A. Ibrahim, T. Hoppe // Technology in Society. — 2026. — Vol. 85. P. 103159. — DOI 10.1016/j.techsoc.2025.103159. — EDN DMSOZO.

27. Dotsenko, E. NBIC-Convergence as a Paradigm Platform of Sustainable Development / E. Dotsenko // Web of Conferences. — 2017. — Vol. 21 (5). P. 04013. — DOI 10.1051/e3sconf/20172104013. — EDN ZRWWRZD.

REFERENCES

1. Aronov, I. Z. (2019) The lessons of Nassim Taleb: the black swan and other animals. *Production Quality Control*, no. 10, pp. 53–58. <https://elibrary.ru/ppeegc>.

2. Vitman, S. V., Chernova, S. V. (2018) Review of mobile virtual assistants. *Bulletin of Modern Research*, no. 11.7 (26), pp. 389–390. <https://elibrary.ru/vpqojy>.

3. Dementyev, V. E. (2012) “Black swans” and social institutions. *Economic and social changes: facts, trends, forecast*, vol. 14, no. 3, pp. 54–66. <https://doi.org/10.15838/esc.2021.3.75.3>. <https://elibrary.ru/vwripw>.

4. Koval, D. S. (2023) Intelligent information systems and artificial intelligence systems. *National Bulletin of the Republic of Crym*, no. 6, pp. 294–299. <https://elibrary.ru/mduxje>.

5. Kosach, D. I., Zhidkova, L. O., Belekhov, A. N. (2016) Virtual voice assistants with elements of artificial intelligence. *Science Almanac*, no. 3–3 (17), pp. 83–88. <https://doi.org/10.17117/na.2016.03.03.083>. <https://elibrary.ru/vwfebv>.

6. Kuznetsov, O. L., Bolshakov, B. E. (2014) Noospheric laws and a model of global sustainable development the implementation of the noospheric scientific and technical complex in the management of sustainable development. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*, no. 1 (191), pp. 90–97. <https://elibrary.ru/sblhah>.

7. Magulaev, A. E. (2018) Popular voice assistants: opportunities and development trends. Tools and mechanisms of modern innovative development: collection of articles of the International Scientific and Practical Conference. Volgograd, Omega Sciences, pp. 41–43. <https://elibrary.ru/xsijlpv>

8. Maslov, O. N. (2021) NBIC-technologies for the digital economy. *Telecommunications*, no. 3, pp. 39–42. <https://doi.org/10.34832/ELSV.2021.16.3.006>. <https://elibrary.ru/wiizrq>.

9. Sveshnikov, V. G. (2011) Is the development of the idea of sustainable development sustainable? *Herzen readings. Primary education*, vol. 2, no. 2, pp. 318–324. <https://elibrary.ru/mxmsul>.

10. Silantieva, M. V. (2019) Social transparency and personal boundaries: paradoxes of global culture. *Humanitarian Vector*, vol. 14, no. 4, pp. 24–31. <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2019-14-4-24-31>. <https://elibrary.ru/wvhkjin>.

11. Silchenko, O. A., Karelskaya, K. A. (2015) Analysis of the prospects of artificial intelligence. Problems of computer science in education, management, economics and technology: collection of articles of the XV International Scientific and Technical Conference, Penza, «Volga House of Knowledge», pp. 5–8. <https://elibrary.ru/uydxqx>.

12. Solomonov, E. V. (2023) The concept and signs of artificial intelligence. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo" = Herald of Omsk University. Series "Law"*,

vol. 20, no. 4, pp. 57–65. [https://doi.org/10.24147/1990-5173.2023.20\(4\)](https://doi.org/10.24147/1990-5173.2023.20(4)). <https://elibrary.ru/oaebp>.

13. Trufanova, E. N. (2021) Private and public in the digital space: blurring the boundaries. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, vol. 3, no. 1, pp.14–38. <https://doi.org/10.46539/gmd.v3i1.130>. <https://elibrary.ru/xflcbr>.

14. Shper, V. L. (2020) COVID-19, black swans and thoughts about the future. *Production Quality Control*, no. 7, pp. 63–64. <https://elibrary.ru/luatkj>.

15. Agerfalk P. J. (2020). Artificial intelligence as digital agency. *European Journal of Information Systems*, no. 29 (1), pp. 1–8. <https://doi.org/10.1080/0960085X.2020.1721947>. <https://elibrary.ru/uquthq>.

16. Ahmed, S., Khan, M., Hussain R. (2022). Artificial intelligence and sustainable resource management: A pathway to inclusive economic growth. *Sustainable Development*, no. 30 (5), pp. 1120–1132.

17. Astobiza, A. M., et al. (2021) AI ethics for sustainable development goals. *IEEE Technology and Society Journal*, no. 40 (2), pp. 1–6. <https://doi.org/10.1109/MTS.2021.3056294>. <https://elibrary.ru/rosnwk>.

18. Brin, D. (1999) The Transparent Society: Will Technology Force us to Choose between Privacy and Freedom? no. 12 (2), pp. 1–20.

19. Cheong, B. C. (2024) Transparency and accountability in AI systems: Safeguarding wellbeing in the age of algorithmic decision-making. *Frontiers in Human Dynamics*, no. 6, pp. 1–11. <https://doi.org/10.3389/fhumd.2024.1421273>. <https://elibrary.ru/wkdqsd>.

20. Jobin, A., Ienca, M., Vayena, E. (2019) The global landscape of AI ethics guidelines. *Nature Machine Intelligence*, no. 1 (9), pp. 389–399. <https://doi.org/10.1038/s42256-019-0088-2>. <https://elibrary.ru/hdvogb>.

21. Ryan M. (2020) In AI We Trust: Ethics, Artificial Intelligence, and Reliability. *Science and Engineering Ethics*, no. 26, pp. 2749–2767. <https://doi.org/10.1007/s11948-020-00228-y>. <https://elibrary.ru/fgnvws>.

22. Singh, A., et al. (2023) Artificial intelligence for sustainable development goals: Bibliometric patterns and concept evaluation trajectories. *Sustainable Development*, no. 32 (1), pp. 724–754. <https://doi.org/10.1002/sd.2706>. <https://elibrary.ru/bmibim>.

23. Schröder J. (2019) Feminist Post-Privacy? A Critique of the Transparency Society. Vena, J.B. Metzler Stuttgart, pp. 207–223. https://doi.org/10.1007/978-3-476-04967-4_11.

24. Tregida, H., Kearins, K., Collins, E. (2019). Towards transparency? Analyzing the sustainability governance practices of ethical practices of ethical certification. *Social and Environmental Accountability Journal*, no. 39 (1), pp. 44–69. <https://doi.org/10.1080/0969160X.2019.1568276>.

25. Wirtz, B. W., Weyerer, J. C., Sturn, B. J. (2020) The dark sides of artificial intelligence: An integrated AI governance framework for public administration. *International Journal of Public Administration*, no. 43 (9), pp. 818–829. <https://doi.org/10.1080/01900692.2020.1749851>. <https://elibrary.ru/krsmpps>.

26. Zaidan E., Truby J., Ibrahim I. A., Hoppe T. (2026) Hybrid Global Governance for Responsible and Inclusive Artificial Intelligence: Proposing a New Sustainable Development Goal 18. *Technology in Society*, no. 85, pp. 103159. <https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2025.103159>. <https://elibrary.ru/dmsozo>.

27. Dotsenko E. (2017) NBIC-Convergence as a Paradigm Platform of Sustainable Development. *E3S Web of Conferences*, no. 21 (5), pp. 04013. <https://doi.org/10.1051/e3sconf/20172104013>. <https://elibrary.ru/zwrzrd>.

For citing: Baturina, I. V., Dydrov, A. A. (2026)
Artificial intelligence: a mythologem
of Russian scientific content.
Sotsium i vlast/Society and Power, 23 (1), pp. 36–48.
<https://elibrary.ru/jyowhu>.

SCIENTIFIC ARTICLE

EDN JYOWHU
HAC (Higher Attestation Commission) 5.7.7
UDC 101.1:316 + 130.3

ARTIFICIAL INTELLIGENCE: A MYTHOLOGEM OF RUSSIAN SCIENTIFIC CONTENT

Irina V. Baturina,

South Ural State Medical University,
Associate Professor, Department
of Social and Humanitarian Sciences,
Cand.Sc. (History).
Chelyabinsk, Russia.
SPIN 7492-5656
ORCID 0000-0002-4159-797X
E-mail: devizzina@mail.ru

Artur A. Dydrov,

South Ural State University,
Professor of the Department of Philosophy,
Doctor of Philosophy, Associate Professor.
Chelyabinsk, Russia.
ORCID: 0000-0002-3288-8724
E-mail: zenonstoik@mail.ru

ABSTRACT

Introduction. Artificial intelligence and neural network technologies can rightfully be considered key areas within the NBIC convergence. The history of AI research spans over fifty years. During this period, there has been a significant increase in publications not only in technical sciences but also in the social sciences and humanities. This body of research can be analyzed on various grounds. In this article, we attempt to implement one of the many options. The focus is on the concept of “transparency,” which is gaining popularity in the scientific community. The purpose of the article is to analyze the Russian Science Citation Index (RSCI) database and conceptualize the mythologem of scientific discourse in the social sciences in the field of artificial intelligence. The latter, in relation to scientific norms and ideals (objectivity, evidence, referentiality, consistency, rigor, etc.), does not correspond to scientific rigor, but is immanent to the discourses of the social sciences. The reference database of scientific articles includes works published over the course of a decade (2015–2025). The choice was driven by the trend toward the relevance and novelty of scientific data. Search and query terms included “social sciences,” “artificial intelligence,” and “transparency.” Other data (author specializations, scientific community affiliations, etc.) were not taken into account.

Methods. The methodological framework is formed by the detection of verbal markers, content analysis, and representation in a tag cloud format. As in the past, emphasis was placed primarily on qualitative analysis. The selection of markers was based on their frequency of use in abstracts, titles, and keywords. Bibliographic descriptions were retained to assess the peak time point of the trend. The intermediate analytical result

is expressed as a tag cloud grapheme, allowing for the assessment of word frequency and a clear representation of the semantic connections between the “transparency” metaphor and other concepts.

Results. Unlike Western scholarly works, the field of “technological mythology” in Russia does not yet have clear subject and methodological boundaries. Historically, it has evolved from the semiotic and cultural studies of structuralists (Barthes, Kristeva), as well as pioneering Western works on technological mythology (Ryan, Mosco). The former provide a necessary interpretation of myth and mythology, extending it beyond cultural anthropology and history, while the latter demonstrate ways to apply myth interpretation to specific, relevant material. As noted in the previous study, content analysis allowed us to identify some very general formulations of technological mythologemes, which can be further refined and specified.

Discussion. The “cloud” representation allowed us to draw statistical conclusions about the peak in time of the topic’s popularity, as well as key concepts related to the original ones. “Transparency” and “artificial intelligence” were used as the original concepts. The graphical expression of intermediate results serves as a systematizing tool for assessing two research parameters: word frequency and semantic connections (the so-called “semantic nest”). Taken together, these indicators can be useful for predicting the development of a “mythological” trend. Initial analysis of the cloud data suggests the discursive position of the “transparency” marker: statistically, it is comparatively rarely used as a subject of analysis or philosophical descriptions and is frequently absorbed into discursive scientific practices. This assumption was demonstrated by references to several scientific research cases, within which “transparency” is explained by uniform “coded” propositions. The key semantic pattern of these propositions is reduced to the figure of the subject and their power. However, as technology develops, the subject at the discursive level finds itself in a contradictory situation.

KEYWORDS

technological mythology,
artificial intelligence,
trend,
mythologem,
transparency,
NBIC convergence

DECLARED CONTRIBUTION OF THE AUTHORS

A. A. Dydrov participated in developing the study concept, analyzing the scientific literature, processing and analyzing the data, and writing the manuscript. I. V. Baturina participated in collecting and systematizing the data, formulating the conclusions, and drafting the article. All authors read and approved the final version of the manuscript.

CONFLICT OF INTEREST

The authors declare that there is no conflict of interest.

USE OF AI TOOLS

The authors declare that no generative artificial intelligence tools were used while writing the article.

Article received: 21.12.2025

Reviews received: 15.02.2026

Accepted for publication: 20.02.2026

Copyright: © Baturina I. V., Dydrov A. A. (2026).

Published by Chelyabinsk branch of RANEPa.

Open access under CC BY-N